

Светлана Алешина

Срочно в номер

Часть сборника
Срочно в номер (сборник)

Папарацци

Светлана Алешина

Срочно в номер

«Научная книга»

2001

Алешина С.

Срочно в номер / С. Алешина — «Научная книга»,
2001 — (Папарацци)

«...Кислицына я увидела практически сразу. Он подходил к площади перед рынком со стороны цирка. В своей обычной маскировочной форме, то есть в пальто, шляпе и очках. В руках Кислицын держал потрепанный кожаный портфель. Мне кажется, он заметил меня, но ничем не выдал этого, что служило косвенным доказательством серьезности происходящего. Кислицын остановился около первого лотка с детскими игрушками, вынул из кармана пачку сигарет и осмотрелся. Он все делал не торопясь и, кажется, даже намеренно гораздо медленнее, чем следовало бы. Держа в руках фотоаппарат, я почувствовала, что меня всю мелко потрясывает. Волнение усиливалось. Кислицын закурил и, убрав зажигалку в карман, поправил на голове шляпу. Как вчера мы с ним условились, это было сигналом, что корреспондент появился...»

© Алешина С., 2001

© Научная книга, 2001

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Светлана Алешина

Срочно в номер

Глава 1

Так уж сложилось и повелось издавна, что мой рабочий день начинается с того, что Маринка приносит кофе и обрушивает на меня поток новостей, большую часть которых слушать мне неинтересно, но приходится. Если я проявляю неуважение к подобным разговорам, она обижается, и то, что происходит потом, бывает порой похуже, чем испытание ее болтовней.

Я уже устала ругаться с Маринкой и решила удариться в крайний стоицизм. Не помню точно, что означает это слово, но, как нам объясняли в университетском курсе философии, это учение проповедовали очень терпеливые мужики. Одному, помнится, во время спора ногу сломали, а он сделал вид, что не заметил этого. Другой сам себе вены порезал в ванне и при этом диктовал для записи свои ощущения.

Приблизительно так и я начала себя вести с Маринкой, чтобы чердак не слетел и нервы остались в порядке.

У моей секретарши даже шутки стали раздражающе однообразны, почерпнутые из одного источника – бытового электроприбора, имя которому телевизор.

Ну что это такое? Если она убегает на обед, то потом на элементарный вопрос: «Где была?» – отвечает что? Правильно, она отвечает: «Пиво пила!» И вовсе не потому, что на самом деле пила пиво, а потому, что ей такой ответ кажется остроумным.

Ха-ха два раза. Я уже и кривиться перестала, но перестать вздрагивать не могу. Так бы и застрелила ее из какой-нибудь базуки. Не насмерть, конечно, а только чтобы попугать, но застрелила бы.

Однако чтобы мне совсем уж не было скучно жить на белом свете, появился еще этот мужик. Как раз вчера, в понедельник. Другой день он, конечно, выбрать не мог. Понедельник и так сам по себе черт знает что, а не день. По понедельникам всем нормальным людям нужно автоматически бюллетени выдавать, потому что травматичность этого дня повышенная, и если не физическая, то психическая или моральная. Одним словом, день этот не для перегрузок, потому что он и так уже является экстремальным по определению.

Во вчерашний понедельник я, да и все мы, бойцы газетно-информационного фронта, плавно и бережно вели себя по отношению друг к другу и со скорбью осознали, что для всех началась новая неделя, всем плохо, но совместными усилиями перетерпим и эту напасть, к обеду, даст бог, втянемся в режим-с.

День тянулся, тянулся и заканчивался без происшествий, то есть без скандальных новостей и без острых репортажей. Ничего в этом, конечно же, плохого нет, но и хорошего немного.

Острый репортаж, являющийся профильным в нашей газете, – товар редкий и дорогой, и, пока он не вынырнет из моря житейского, приходится перебиваться перечислениями криминальных городских происшествий, что тоже само по себе интересно и наводит на околофилософские размышления.

Я уже давно обратила внимание на то, что существуют две плохо уловимые категории граждан, не поддающихся четкому статистическому учету, очень не стремящихся к лишним и личным встречам с работниками прессы и внутренних дел, однако именно они предоставляют нам постоянные материалы для самых лучших репортажей и журналистских находок.

Я говорю про новых русских и бомжей.

Так уж повелось, что и новостные колонки местных газет почти всегда отданы под информацию об этих двух подвидах граждан. Причем почти в равных долях, но это, разумеется, в

тех случаях, когда к нам в город не приезжает Алла Пугачева с каким-нибудь Филиппом Киркоровым. В те дни лидируют, конечно же, они...

Бросив взгляд на настенные часы, я, закулив, вышла из-за стола и, подойдя к окну, выглянула в него. Меня интересовала реальная погода, а не те анекдоты, которые нам рассказывают по радио, обещая «местами-временами кое-что, но ничего особенного».

Увиденное за окном меня не обрадовало, но и не напугало: слякоть и ветер, ничего оригинального. За последнее время я уже привыкла ничему не удивляться. Снег с утра, а вечером почки набухают... Да ради бога! Жара с утра, а с вечера «буря мглой» как-то кроет? Да без проблем! Днем ананасы распускаются, а вечером ливень тропический? Да плевать, лишь бы машина заводилась хотя бы со второго раза.

Единственное, на чем можно было задержаться взгляду, относилось к погоде опосредованно.

Напротив моего окна через дорогу, проходящую в десятке метров от здания редакции, рядом с газетным киоском стояла очень нелепая фигура.

Это был мужчина, одетый как маскарадный шпион: в шляпе, надвинутой на лоб, и черном пальто с поднятым воротником. Помимо этого, на нем были темные очки, что само по себе смотрелось странно для несолнечного дня, и вдобавок ко всему мужчина держал в руках развернутую газету. Он совершенно не обращал внимания ни на ветер, дергающий газету сверху и снизу, ни на мокрые капли, летящие с крыши.

Персонаж этот показался мне настолько нелепым, что я им заинтересовалась и приблизилась к окну вплотную.

«Кино, что ли, снимается?» – подумала я, выискивая взглядом неизбежных в этом случае операторов, любопытствующую толпу и суетливых помощников режиссера. Однако ничего из этого антуража не было и в помине. Даже просто прохожих на улице ни одного – мерзкая погода не располагала, наверное.

Пока я стояла, мужчина неожиданно поднял лицо к моему окну и, скомкав газету, несколько раз взмахнул рукой. Я даже отшатнулась от удивления. Впечатление было такое, что он увидел какого-то доброго знакомого и вот теперь приветствует его.

Я внимательно присмотрелась и уверенно подумала, что этого любителя чтения в темных очках не знаю. Потом сообразила, что, наверное, это какой-то Маринкин знакомый, и, скорее всего, она как раз в эту минуту выглядывает из окна в соседнем помещении, и это он машет ей, а не мне.

Объяснение успокоило, я опять взглянула на мужчину, он мне снова махнул, и я отошла от окна.

Хлопнув дверью, в кабинете появилась Маринка и, поведя скупающими глазами, спросила:

– Ничего нового не поступало?

– Не-а, – ответила я, стряхивая пепел в пепельницу, – никто не звонит, никто ничего не сообщает. Только твой дежурный Ромео под окнами торчит, а ты все жалуешься на убогость личной жизни.

– Какой Ромео? – настроение Маринки мгновенно изменилось, и она подбежала к окну.

– Около киоска, как на посту, – сказала я.

– Не знаю, кто это! – Моя секретарша покрутила головой и вернулась к столу. – Не знаю этого типа, шпион какой-то или просто дурак.

Она присела на стул для посетителей напротив меня и, сделав загадочные глаза, завлекательно произнесла:

– Мне кое-что по телевизору только что сказали...

У меня удивленно дрогнули брови от такого захода, но я решила поддержать разговор:

– И что же там тебе сказали?

– Газетка в Вашингтоне, называется «Вашингтон таймс», тиснула статейку про нашу Калининградскую область, – нараспев произнесла Маринка, – типа что-то там военные закопали, а теперь не признаются.

Я нахмурилась, собирая мысли в кучу, но честно призналась:

– Ничего не поняла. Смеяться после слова «лопата»? В чем прикол?

– Да никакого прикола нет, – улыбнулась Маринка, – тут суть вот в чем. Газетка эта не самая серьезная, ты не путай ее с «Вашингтон пост». Она печатает все подряд, лишь бы публике интересно было, но иногда вот берет и собачит что-то такое не совсем ординарное, и читатели чешут репу, думая: утка или не утка... А все потому, что у «Вашингтон таймс» есть какие-то там связи в военных кругах. Ну, поняла теперь?

– Поняла, – кивнула я, – не будем выписывать «Вашингтон таймс» – несолидно как-то. Впрочем, и «Вашингтон пост» тоже не будем.

– Правильно, там кроссвордов нет, – согласилась Маринка, – а если и есть, то неинтересные, но я тебе не про это. Давай покумекаем и сочиним какую-нибудь сенсацию, но осторожно, так, чтобы нас за руку нельзя было схватить, а? Ну, например: как сообщили нам из компетентных источников, близких к ФСБ...

– ...газета «Свидетель» начала резко желтеть, – закончила я. – Эту чушь еще Ромка в прошлом месяце предлагал. Не годится нам такой метод, сразу же потеряем авторитет.

– Брось! – прикрикнула на меня Маринка. – Ромка предлагал сочинить сенсацию, а потом сказать, что мы пошутили, а я предлагаю дать изящный намек! Не уловила? Ну вот хотя бы такой: стало известно, что в штаб-квартире ЦРУ заинтересовались Тарасовскими очистными сооружениями! То ли в шутку, то ли всерьез!..

– Так, все поняла! – я бросила окурок в пепельницу. – Достаточно! У тебя сегодня работы нет?

– Все у меня есть, – огрызнулась Маринка, – и идеи в том числе! А вот из-за таких, как ты, резонеров Тарасов до сих пор...

– ...не стал столицей нашей Родины! – крикнула я. – Уйди, Марина, я начинаю нервничать...

Маринка медленно поднялась со стула, нарочито медленной походкой вышла и тихонько прикрыла дверь, громко сказав, чтобы я слышала:

– Они нервничают. Тише, граждане!

Я решила не обращать внимания на глупые провокации и, поднявшись, прошла по кабинету.

Права Маринка была в одном: скучноватыми получались последние номера «Свидетеля», и никакой фишки в редакционном портфеле не было.

Оказавшись около окна, я опять выглянула в него: странный мужчина, на которого я несколько минут назад обратила внимание, все еще стоял и читал газету.

Понедельник закончился тихо и мирно, и, закрыв помещение редакции, мы все вместе – я, Маринка, Сергей Иванович, Виктор и Ромка – вышли на улицу.

– Ты сегодня чем занимаешься? – спросила у меня Маринка.

– Буду размышлять о чем-нибудь сложном.

– Это еще зачем? – Маринка, не поняв скрытого смысла моих слов, вытаращила глаза и подошла ближе.

– Для таких размышлений требуется сугубое одиночество, – понятнее объяснила я.

– Ба, да мы никак обиделись! – Маринка презрительно наморщила носик. – А ты знаешь, что на обиженных воду возят?

– Вот я и вожу, – буркнула я, направляясь к своей машине и старательно прислушиваясь к звукам, доносившимся сзади. Маринкиных шагов слышно не было, и у меня даже немного стало улучшаться настроение. Действительно захотелось одиночества.

Я села в «Ладу» и завела мотор.

Пока движок прогревался, я осмотрела улицу, стараясь не оборачиваться назад, чтобы Маринка не приняла это за молчаливое приглашение ехать со мною. Ну не хотела я ее сегодня видеть у себя – и все тут!

Перед машиной кто-то быстро перебежал на эту сторону дороги и, приблизившись, распахнул переднюю дверь.

Через секунду рядом со мною сел тот самый чудаковатый мужчина, любитель чтения на свежем воздухе.

– Здравствуйте, а я к вам! – сказал он и уставился на меня темными стеклами своих очков.

– Ко мне – это не здесь, – ответила я. Слегка напуганная этим нашествием, я заговорила громко и резко: – Если вам нужно ко мне, то это вон в том здании и в рабочее время. А сейчас у меня свои планы.

– Мне очень нужно с вами переговорить! – Мужчина умоляюще сложил руки. – Вы же главный редактор «Свидетеля» Бойкова?

– Допустим, – я уже оправилась от некоторого замешательства и вот теперь-то оглянулась назад. А Маринки и след простыл! Так всегда! Когда нужно – никого рядом. И погибнешь ты, Ольга Юрьевна, в расцвете лет рядом со своим рабочим местом, и никто не узнает, где могилка твоя!

– Так что вам угодно? Говорите быстрее и давайте расставаться, мне некогда! – Честно признаться, я не люблю, если ко мне вот так кто-то врывается в машину посреди улицы. Мало ли кем может оказаться незнакомец?

Я внимательно рассмотрела его.

Это был мужчина лет сорока. Кроме шляпы и темных очков, виднелись усы, прикрывающие верхнюю губу, а подбородок утонул в воротнике пальто. Спустя время – даже если и очень захочешь – не узнаешь: такая примитивная маскировка самая действенная.

– Я хочу вам рассказать о серьезнейшем преступлении, которое готовится в нашем городе! – очень быстро заговорил мужчина и вдруг резко замолчал. Задняя правая дверца машины распахнулась, и в салоне появился Виктор.

В отличие от Маринки, Виктор всегда умел прибывать в нужное место и нужное время.

Он был нашим редакционным фотографом и имел за спиной службу в армии как раз во время первой Чеченской кампании. Всю службу Виктор провел в роте разведки, и не знаю, то ли жизнь так повлияла, то ли он уродился таким, а может быть, и то и другое вместе, но Виктор умел быть молчаливым, как неразговорчивый глухонемой – то есть даже на жестах экономил, но одновременно, в случае необходимости, демонстрировал четко отработанные боевые реакции и рефлексy.

– Кто это? – испуганно задержался мужчина, вертя головой и оглядываясь на молчащего Виктора. – Кто это? Вы его знаете?

– Это сотрудник нашей газеты, – спокойно объяснила я. – Если у вас такое срочное дело и его нельзя отложить, пожалуйста, излагайте быстрее, и мы поедем по своим делам. А если... – я замаялась, но и так было ясно, что я хотела сказать.

– А вы бы не могли попросить вашего сотрудника выйти? – попросил мужчина. – Дело уж очень секретное.

– Вы пришли ко мне, чтобы что-то мне пошептать на ухо? – теряя терпение, спросила я. – Или передать информацию, пригодную для публикации в газете?

– Вообще-то... для публикации... да, – пробормотал мужчина и поправил опускающийся воротник пальто. Сейчас он был более похож не на лубочного шпиона, а на пойманного карманника.

Впечатление несерьезности происходящего лишь усилилось, и вслед за ним пришло вполне реальное подозрение, что против меня заваривается какая-то провокация.

– Ну, тогда непонятно, почему вы стесняетесь нашего сотрудника. – Я уже разозлилась не на шутку. – Все, что вы мне ни скажете, если это будет подкреплено доказательствами и вообще представит для нас интерес, будет напечатано, и весь наш персонал ознакомится с материалом еще до того, как будет готова верстка. Так что побыстрее, пожалуйста.

Мужчина в нерешительности пожевал губами:

– Тогда не могли бы вы отъехать куда-нибудь от этого места? Мне кажется, за мной следят на «Волге»...

Я ударила по педали и, снявшись со своей стоянки, завернула за угол здания редакции, въехала во двор и остановилась.

Если слежка за этим странным человеком велась на самом деле, то здесь, в глубине двора, имеющего только один въезд, преследующей машине ничего не оставалось, как въехать и тем самым обозначить себя. А для пешехода со двора существовали еще два выхода, причем на разные улицы.

Я уже несколько раз пользовалась этим простеньким приемом и не находила причины, почему бы сейчас не применить ту же тактику.

– Здесь мы в безопасности, – заверила я.

– Если бы так, – судорожно вздохнул мужчина и втянул голову в плечи. Поднятый воротник его пальто теперь почти касался полей шляпы. – Как вас зовут?

– Ольга Юрьевна, а вас?

– Меня? В смысле? Ах, да, меня... Меня зовут Александр Алексеевич Кислицын... Вот... Я изобретатель.

– Замечательно, – я кивком подбодрила Кислицына. – Ну и что вы изобрели? Надеюсь, не вечный двигатель?

– Не-ет пока. Но я уже на пути к нему. Сейчас делаю опытный образец. – Кислицын улыбнулся. – Понимаете, патентовать мое изобретение отказались, сказав, что нарушен второй закон термодинамики...

Через зеркало заднего обзора я переглянулась с Виктором, он взглядом молча спросил меня, не выкинуть ли столь талантливого гостя к чертовой матери. Я качнула головой, пока не решаясь на это.

– Не верите? – вздохнул Кислицын. – Никто не верит! Но дело-то не в этом.

– Конечно, создайте опытный образец, и пускай он поработает лет триста, а там мы посмотрим, – предложила я.

– Посмотрим, – повторил за мной Кислицын, глядя в ветровое стекло.

Я тоже посмотрела туда.

Во двор вошел парень в куртке и в надвинутой на глаза кепке. Он остановился, нерешительно покосившись на мою «Ладу», и пошел к мусорному баку, прижавшемуся к стене здания.

– Это по мою душу, – тихонько пробормотал Кислицын и, наклонившись, быстрым шепотом задышал мне в лицо:

– Я найду вас. Может быть, сегодня. А сейчас мне пора. Поверьте, это будет лучше для вашей же безопасности.

Согнувшись в три погибели, Кислицын резким движением распахнул дверцу машины и выкатился наружу. Пригибаясь, он побежал к узкому проходу, ведущему со двора на соседнюю улицу, и через несколько секунд исчез в нем.

Я перевела взгляд на парня.

Он как стоял к нам спиной, так и продолжал стоять. Не знаю, как до меня, а до Кислицына ему точно не было никакого дела: он занимался своим.

– Вот уже и психи начали одолевать, – вздохнув, сказала я. – Спасибо, Виктор, без тебя было бы жутковато.

Виктор никак не отреагировал, словно и не услышал моих слов, и я выехала со двора. Психа Кислицына нигде не было видно.

– Тебя отвезти домой? – спросила я, но Виктор отказался, и я его поняла. Если возникала хоть какая-то, пусть эфемерная угроза для моей жизни, Виктор сразу же занимал пост по охране моей персоны. Это он сделал и сейчас, и, хотя после исчезновения Кислицына я не видела ничего, что могло бы мне помешать и дальше жить, как я жила до сего момента, все равно я не стала спорить и поехала вместе с Виктором к себе домой.

Если человека не слышно и почти не видно, то в трехкомнатной квартире при желании можно с ним жить не один день и вообще ни разу не встретиться за это время.

Основываясь на долгом опыте, я твердо знала, что Виктор никогда не помешает мне думать.

Я закурила и тихо улыбнулась, не в состоянии вспомнить ту сложную фразу, которую я залудила Маринке.

Ну, в общем, все это неважно.

По дороге домой я заехала в свой любимый обувной магазин, потом в другой, где была уже не только обувь, ну а потом и в третий.

Виктор как спутник был выше всех похвал. Кому-нибудь доводилось видеть когда-нибудь мужчину, терпеливо ждущего даму в магазине около прилавка, около примерочной и перед кассой?..

Я раньше тоже не видела, но с тех пор, как познакомилась с нашим фотографом, поняла, что чудеса на свете случаются. Правда, и Виктор не без недостатков. Сколько ни показывай ему новый костюм, который я очень удачно купила в третьем магазине, ни восхищения, ни одобрения от него не дождешься. А ведь, кроме костюма, я купила еще кое-что, уместившееся в двух коробках и одном свертке, но Виктор и тут любопытства не проявил.

Ну ладно, все мы не без недостатков, поэтому больше не будем обсуждать Виктора. Расскажу лучше, что случилось потом. Хотя это и было не приятнее впечатлений от моей покупки, а гораздо хуже.

Мы подъехали к моему дому в самом начале девятого.

Я посмотрела на покупки, лежащие справа от меня.

– Возьмешь половину? – спросила я у Виктора, он кивнул, и я передала ему одну коробку и свертки.

Открыв дверь машины, я вышла и, захватив оставшуюся коробку и пакет с комплектом мягкого гипюрового белья, – блин, ну вот и проболталась! – замешкалась, вынимая ключ.

Виктор же вышел и спокойно захлопнул дверь за собой.

В это время от темной стены дома почти напротив «Лады» отделился силуэт. Это был, похоже, какой-то молодой человек в длинном пальто. Быстрым шагом он прошел через заснеженный палисадник и направился в нашу сторону.

Я мельком глянула на него и поняла, что сейчас он пройдет мимо.

Парень, действительно, проходя мимо машины, внезапно затормозил и, наклонившись, заглянул в салон.

– Вам что-то нужно? – спросила я, оглядываясь на Виктора. Как хорошо, что он поехал со мною!

Не отвечая, парень пошел дальше, к дороге.

Я пожала плечами и, заперев машину, подергала для верности за ручку. Не знаю, кто такой был этот любопытствующий тип, ничего против него не имею, но машину все-таки лучше запереть понадежнее.

Парень к этому моменту уже скрылся в темноте, его нигде не было видно, я присоединилась к Виктору, и мы направились к подъезду.

Тут со стороны улицы, противоположной той, куда ушел парень, показался еще один мужчина. Быстрым шагом он приближался к нам.

Я никогда не боялась неизвестных опасностей, да и вообще мало чего боялась, но сейчас у меня в руках был ценный груз, а дорожка к подъезду темная; исключительно из этих соображений и больше ни из каких других я изо всех сил вцепилась Виктору в руку. Никому же не хочется растянуться посреди дороги, да еще на глазах у мужчины.

Идущий к нам человек приблизился уже настолько близко, что мне показалось, будто я начала узнавать его – шляпа, пальто, поднятый воротник...

Внезапно из темноты на него прыгнул тот самый парень, что заинтересовался моей машиной.

Я от неожиданности остановилась.

– Ай! Ай! – закричал мужчина в шляпе и бросился бежать к скверику, прочь от дома. Широко расставляя руки, парень помчался за ним.

– Ольга Юрьевна-а! – визгливо крикнул мужчина в шляпе, и тут Виктор, аккуратно положив на лавочку мои покупки, почти бесшумно ринулся на крик.

Он быстро догнал парня и сразу же взял его в оборот. Послышались звуки нескольких ударов и приглушенные вопли. Парень отпрыгнул в сторону, задержался, утер нос и шмыгнул прочь. Я как стояла перед подъездом, так и продолжала стоять, прижимая к груди коробку и наблюдая за происходящим.

Как я уже сказала, у меня в руках были пакет и коробка с дорогими для меня предметами, которые я не собиралась терять. Да и вообще зачем вмешиваться в мужские игры, если и без меня все уже само разрешилось? Ну, или почти само.

Но после того, как парень удрал, непонятки продолжились.

Я услышала, как спасенный мужчина громким голосом говорил Виктору:

– Не пойду! Не пойду, я сказал вам! Пустите меня!

Удивленная происходящим, я шагнула в их направлении и пригляделась. Мужчина в шляпе – наверное, все-таки это был Кислицын, других подобных знакомых у меня нет, – быстро, почти вприпрыжку, пошел к углу дома и вскоре скрылся за ним.

Вернулся Виктор.

– Сказал, что зайдет завтра, – спокойно доложил он и взял с лавочки коробку.

– Это был изобретатель вечного двигателя? – спросила я.

Виктор кивнул.

Наконец мы с Виктором добрались до моей квартиры.

Я раздевалась в коридоре и рассуждала вслух, стремясь быстрее покончить со всеми делами, напоминающими работу, и заняться уже делами более приятными и радостными.

– Как думаешь, он похож на сумасшедшего, этот наш изобретатель?

Виктор пожал плечами и занялся в кухне бутербродами.

– Ну вот и я не знаю! Если бы не появился второй, вполне можно было бы предположить, что он псих. Но второй, который напал на Кислицына, подозрителен. А если это был просто хулиган?

Виктор опять пожал плечами.

Приободренная таким вниманием к моим словам, я продолжала рассуждать:

– Нелогичность его поступков вызывает сомнение в нормальности этого человека. Почему он не захотел подойти ко мне? Ты же предлагал, я слышала?

Виктор опять кивнул.

– Ну я так и поняла. Что это за дурацкие крики: «Не пойду, не пойду!» Если тебе есть что сказать, так говори, а если нет, тогда зачем все это?

Виктор неожиданно усмехнулся и, вопреки ожиданию, произнес:

– Сие – загадка. – После чего подошел к плите и поставил чайник.

Потрясенная его репликой и вообще тем, что немой вдруг заговорил, когда это было совсем необязательно, и не просто заговорил, а еще и пошутил, я так и осталась стоять посреди коридора с открытым ртом.

Очнувшись через какое-то время от столбняка, я принялась примерять и комбинировать туалеты. А много ли нам, женщинам, нужно в жизни? Да ни фиги, лишь бы все было красиво!

Кто-то мне еще позвонил, но я не взяла трубку – если придурки добрались уже до моего номера телефона, пусть думают, что меня нет дома. Кстати, для них меня дома и вправду нет.

Глава 2

Утром я почти уже ничего не помнила из вчерашних причуд, которыми одарил меня окружающий мир. Точнее сказать, помнила-то я все, да не заикливалась на этом и не переживала. Псих Кислицын? Псих! Ну и пусть!

На работу я поехала в «Ладе» пассажиром, нещадно эксплуатируя Виктора, потому что позволить себе крутить руль я не могла: не для того покупался новый костюм и делалась прическа.

Виктор на все это и внимания не обратил, но Маринка-то, я думаю, не пропустит зрелища. Визгу и разговоров хватит на полдня.

Так оно в общем и получилось. Только я представляла себе, что Маринка начнет ахать после того, как принесет кофе, но получилось, что мы с ней столкнулись у входа в здание редакции.

Поздоровавшись, Маринка уже раскрыла рот, чтобы начать расписывать свои впечатления от моего потрясающего внешнего вида, но тут из-за угла здания вынырнул вчерашний человек в той же шляпе и тех же темных очках.

– Ну вот, – только и сказала я негромко, сама не зная точно, что я вкладывала в это «ну вот», но понимая, что вчерашний день не закончился, а самым неудобным образом продолжается и сегодня.

Поравнявшись со мною, Кислицын немного притормозил и, игнорируя Маринку, глядя на меня в упор сквозь темные очки, сказал:

– Я зайду сегодня к вам, – и пошел дальше.

Задумчиво посмотрев ему вслед, я пожалела о том, что приехала на работу. А ведь можно было и взять выходной. Кто был бы против? Я здесь начальник.

– Кто это? – тут же пристала ко мне Маринка, забыв про свои первоначальные планы. – Поклонник? То-то он вчера весь вечер под окном простоял. А как его зовут? Так это ты из-за него так расфуфырилась?

Я кашлянула и, немного наклонив голову вперед, прошла в редакцию. Показывать Маринке вчерашние покупки уже не хотелось. Придурок в шляпе испоганил все настроение.

Я разделась в кабинете, и тут же ввалилась Маринка с дискеткой в руках.

– Что это? – спросила я, приятно удивленная ее необычным заходом. Обыкновенно по утрам Маринка, если бывает в настроении, неустанно предлагает мне кофе с печеньем или же достает меня трагическими рассказами о своей очередной несчастной любви. Дискетка в ее руках с утра пораньше сулила какие-то сюрпризы.

– Это статья, которую я написала в свете вчерашнего разговора с тобой, – решительно заявила Маринка. – Пора нашей газете выходить на международный уровень и приобретать новое лицо.

– А почему ты думаешь, что это новое лицо будет твоим? – задумчиво спросила я и сунула дискетку в дисковод.

Это и в самом деле была статья. Но про что была она!

Маринка насочиняла, что «из конфиденциальных, но очень информированных источников, близких к некоторым сферам...»

– А это чтобы поймать за руку не могли! – с торопливой готовностью подсказала она, следя за тем, как я читаю. – Конкретно никого не называем, – прошептала Маринка и чихнула.

– Будь здорова, – спокойно проговорила я и продолжила чтение дальше уже вслух:

– «...Нам стало известно, что в виду Тарасова, справа от островного пляжа, если смотреть с нашей стороны... – я цыкнула и покачала головой: ну и стилистика, – ...затоплены три парохота с золотом, которые по приказу императора Николая Второго везли его на сохранение

в Персию еще в 1916 году, и что в прошлом году несколько водолазов из спецгруппы «Громобой»...»

– Классно придумала, а? – не выдержав, спросила Маринка и, наклонившись, заглянула мне в глаза. – Название сама сочинила!

– «...спецгруппы «Громобой» сделала подробную карту донного рельефа...»

Дальше я читать не стала, вынула дискету и вернула Маринке.

– У тебя точно рельеф попортился. Извини, я хотела сказать, чердак слетел. Лучше бы ты написала парочку рассказиков про любовь, вот их, ей-богу, напечатали бы! – я выключила компьютер и бросила на стол пачку сигарет.

– Да кому это интересно! – воскликнула Маринка – Любовь! Морковь!

– Никому, что ли? – весело спросила я, закуривая.

– Никому!

– А почему же ты мне постоянно об этом говоришь, если сама знаешь, что это никому не интересно?! – воскликнула я.

– Ну, Оленька, ну, а вот этого я тебе...

Маринка, недоговорив, выскочила из кабинета как ошпаренная и сильно хлопнула дверь.

Теперь можно считать, что по-нашему, по-товарищески, один-ноль получается: она заподозрила меня в том, что Кислицын мой любовник, а я ей... ну, в общем, ясно что. Хвост прищепила!

После того как с Маринкой на сегодняшнее утро были выяснены отношения, я почувствовала прилив творческих сил и, покрасовавшись перед большим зеркалом, висевшим справа от двери, подошла к окну, выглянула из него и тут же отпрянула назад от неожиданности: клоун в шляпе опять стоял на своем месте и опять с развернутой газетой в руках.

Я быстро вернулась к столу и мерзко задрожавшими пальцами зачем-то загасила сигарету, но тотчас выбила из пачки следующую.

Прикурив от зажигалки, я, прощу прощения за искренность, выругалась.

Бывают в жизни такие слова и выражения, которые употреблять, может, и не следует, но никакими другими их не заменишь, если хочется точно и однозначно высказать свое раздражение.

Никогда еще я так сильно и сложно не ругалась, как сегодня.

Если я сейчас скажу, что этот мужик меня затрахал, то легко сообразить, в чем дело. Надоел он мне так, как даже Маринка еще ни разу не надоедала. У нее такие эффекты не получаются, значит, есть возможности для роста.

Я осторожно подошла к окну и, стараясь не высовываться, выглянула: Кислицын сворачивал свою газету.

Зазвонил телефон, я, отвлекшись, подошла и сняла трубку. Звонил Фима Резовский и витиевато, как он всегда любил и умел это делать, начал напрашиваться в гости, сперва только на работу.

Пока я, соблюдая правила игры, уклончиво отвечала ему, отворилась дверь кабинета и заглянул Ромка. Он скороговоркой проговорил что-то непонятное, не закрывая дверь, отошел от нее, и тут же ко мне в кабинет протиснулся Кислицын с портфелем в руках.

Я замолчала на полуслове, посмотрев на этого человека, как на привидение.

– Алло! Оля, ты куда потерялась?! – крикнул Фима в трубку, и я, коротко проговорив, что перезвоню позже, закончила разговор.

– Здравствуйте, – Кислицын осторожно прикрыл за собою дверь.

Я кивнула и с тоской подумала, что если этот псих кинется на меня, то точно укусит, а помощь опоздает, поскольку обиженная Маринка теперь в кабинет из принципа нос не сунет.

– Присаживайтесь, – предложила я Кислицыну и сама осторожно опустилась в кресло.

– Мне нужно с вами переговорить по важному делу, – сказал он, отодвигая стул.

Я решила перехватить инициативу:

– У меня здесь не холодно и светло, – сухо проговорила я. – Вам шляпа с очками очень нужны?

– Какое это имеет значение? – Кислицын вздохнул и поставил свой портфель на колени. – К тому же у меня глаза болят от света... следствие работы с компьютером...

– Ну ладно, – согласилась я, – излагайте, и побыстрее, если можно, у меня много дел.

Я откинулась в кресле и пододвинула к себе телефон, предупредив на всякий случай:

– Мне необходимо позвонить через... – сделав вид, что я что-то прикидываю в уме и решаю, я закончила: —... Через пять минут. Так что времени у меня немного.

– Я – изобретатель! – с готовностью объявил Кислицын и замолчал, ожидая эффекта от своих слов. Но его не последовало, потому что я уже это слышала и сама ждала, что же будет дальше. И дождалась.

Кислицын раскрыл портфель и показал мне целую пачку бумаг с какими-то чертежами. Он начал объяснять, что изобрел электронную схему для гиперуправления в разреженной среде и отработал основные чипы для робота-спасателя, а теперь бросил все и из принципа занимается вечным двигателем второго порядка.

– А как это, – спросила я, – второго порядка? А почему не первого или не третьего? – Я мало что понимала из сказанного, но, как человек культурный, поддерживала разговор, думая, чем же закончится эта преамбула.

– Вы кто по образованию? – спросил Кислицын. – Ах, филолог, ну тогда для простоты я объясню, что мой двигатель, конечно же, не вечный, потому что не существует в принципе вечных материалов. Не вечный – но достаточно долго живущий без замены основных деталей.

– И как долго он будет работать? – спросила я, не понимая, какое же, собственно, дело привело этого Эдисона ко мне. Продать, что ли, хочет? Или рекламу разместить? Непонятно. Скорее всего, действительно псих.

– Точно сказать не могу... – Кислицын развел руками. – Тысячу лет или пять... Не суть важно, важно, что и сто, и двести лет проработает... даже и не это важно, важно то, что моему двигателю не нужен будет внешний источник питания. Никакой!

– А за счет чего же он будет работать? – вполне логично спросила, вспомнив про автозаправки. – Если я правильно помню физику, есть какой-то закон, что, мол, ничего из ничего не появляется и в никуда не уходит.

Мне даже самой понравилось, как я мудро развернула вопрос. Все-таки журналистская работа учит добираться до сути, даже если эта суть не всегда понятна.

– Суть вы поняли верно, Ольга Юрьевна. – Кислицын погладил свои усы и поправил воротник пальто, не давая ему опускаться. – Мой двигатель будет перерабатывать тепловую энергию в электрическую, вот и все. Используется естественное тепло, которое путем несложных, но оригинальных методов переводится в...

– ...в розетку, – вздохнула я, понимая, что этот Кислицын не псих, а просто один из армии великих непризнанных изобретателей, который однозначно ошибся адресом. Как бы повежливей закончить разговор и выпроводить его отсюда, послав куда-нибудь в другое место, где к его идеям отнесутся не так легкомысленно, как я?

– В общем верно. Как хорошо вы сказали, «в розетку», – мягко улыбнулся Кислицын. – Ну, а что такое естественное тепло – это уже совсем просто. Помните про абсолютный ноль? Так вот, если сейчас на улице ноль по Цельсию, это же 270 Кельвинов! Что это означает?

– То, что с точки зрения Кельвина и не совсем холодно, – нашла я.

– То, что источник естественного тепла вечен! – Кислицын поднял палец и погрозил мне, как нерадивой ученице. – Практически вечен, пока не остыла наша планета.

Тут-то я решилась высказаться, потому что терпению моему пришел, мягко говоря, аут.

– Господин Кислицын, мне кажется, вы пришли не по адресу. Наша газета не научно-техническая и даже не научно-популярная. Мы не занимаемся изобретениями, какими бы замечательными они ни были.

– Я в курсе. – Кислицын внешне успокоился и даже пальчик опустил. – Я пришел к вам в поисках защиты, наверное, или, по крайней мере, имитации ее, потому что защитить меня никто не сможет, кроме меня самого, но мне нужен союзник, пусть и не активный, но достаточно заметный и сравнительно сильный. Я давно уже с интересом читаю вашу газету, – сказал он фразу, с которой, пожалуй, должен был бы начать свой познавательный монолог.

– Пока я вас не понимаю. – Я покачала головой и достала из пачки сигарету. Мне почему-то стало ясно, что даже если Кислицын немножко не в себе, то буйствовать не собирается. Вот если бы он новую водородную бомбу изобрел, это было бы угрожающе! А вечный двигатель, то есть мотор без дозаправки, – подумаешь!

Но после следующих же слов Кислицына мое настроение снова начало меняться.

Он наклонился ближе ко мне и тихо произнес:

– За мной следят и хотят похитить меня с моими документами или убить, но документы все равно похитить.

«Приплыли, – подумала я, – а ведь точно сумасшедший. Поздравляю, Ольга Юрьевна!»

Я незаметно протянула руку вперед и нажала кнопку вызова Маринки. Она не сильно, конечно, поможет, но все равно, хоть не так страшно будет.

– Вот вы наверняка подумали, что я псих, – заметил Кислицын, будто читая мои мысли.

– Что вы! Что вы! – Я постаралась произнести это как можно убедительнее, но поняла, что не верю самой себе.

– Подумали, подумали! А если бы не подумали, то я бы подумал, что у вас с психикой не в порядке, – любезно уточнил Кислицын. – Как раз считаю нормальным подозревать меня в таких делах, потому что уж очень неожиданные вещи я говорю.

В кабинет заглянула Маринка. Я откашлялась и попросила кофе.

Маринка кивнула, стрельнула заинтересованным взглядом по Кислицыну и испарилась.

– Вечный двигатель второго порядка – это мечта. Реальная, но мечта, – грустно заметил Кислицын. – Есть вещи более практичные. Например, средство передвижения, основанное на принципе гироскопа. Знаете, что это такое?

– Примерно, – соврала я, начиная скучать.

– Главная деталь – это вращающийся диск на свободной оси, сохраняющий стабильное положение при любых изменениях относительно плоскости. В данном случае я говорю про поверхность земли.

В кабинет, отворив дверь резким толчком плеча, вошла Маринка.

Кислицын опустил голову и продолжил:

– Опытный образец уже есть, и не один. Работают все нормально...

Маринка поставила перед гостем чашку с кофе.

– Спасибо, спасибо, мне не нужно, – равнодушно пробормотал он и продолжал, обращаясь ко мне:

– Испытания на стендах прошли в двух НИИ, патенты защищены уже в трех странах...

Кислицын проговорил это как бы про себя и, подняв голову, в упор посмотрел на меня. Если бы он был без очков, мне кажется, в его глазах я разглядела бы грусть.

– Это в принципе летающая тарелка. Потребление энергии небольшое, работать может даже на воде путем расщепления ее на водород и кислород. Устойчивость в полете феноменальная, скорости, развороты – все на уровнях, не достигаемых для любой техники...

– А в чем же дело? – меня опять начал заинтересовывать этот разговор. А вдруг он и вправду изобрел летающую тарелку? Полетаем...

– Деньги, – тихо проговорил Кислицын. – Все деньги, будь они неладны! У науки нет денег, но есть много предрассудков. У военных много здравого смысла, но тоже нет денег. Они так ухватились за мою тарелку, что я думал: все, через пять лет уже ни одного самолета не останется для боевых дежурств. Они просто не нужны, потому что помимо технических характеристик и прочих условий, еще и дешевизна потрясающая... Одним словом, кто-то где-то порезал фонды, что-то не утвердили и не подписали, проект завис. Зарплату военным платить вовремя не могут, а тут какая-то тарелка... Баловство, одним словом, и врагов у нас в мире нет. Правда, и друзей нет, но это им кажется не страшным.

– Я пока не понимаю, – робко сказала я и бросила умоляющий взгляд на Маринку, застывшую как изваяние около двери. Почему же она молчит? Не понимает, что ли, что я не знаю, как мне вести себя с этим Эйнштейном? Сказала бы что-нибудь.

– Вот наконец-то я и подошел к сути своего визита. – Кислицын слегка повысил голос и приосанился. – Мною заинтересовались иностранные спецслужбы. Корреспондент малоизвестной газеты «Вашингтон таймс», – он кашлянул, а я, приоткрыв рот, уставилась на Маринку, которая тоже немного обалдела и явно передумала выходить из кабинета. Ведь именно об этой газете она сама мне вчера рассказывала!

Кислицын снова поднял палец вверх:

– Эту газету не нужно путать с «Вашингтон пост», та посolidнее будет. Так вот, корреспондент уже месяц как ходит вокруг меня кругами и предлагает продать всю техническую документацию. На завтра мне назначена последняя встреча и практически открытым текстом сказано, что или я продаю, или...

– Или вас убьют? – поняла я наконец, к чему было говорено все это сложное вступление. Ну что ж, в логике повествованию не откажешь. Долго только. И сложно.

– Нет, что вы! Или со мною прекращают переговоры.

– Что же тут угрожающего?

– В словах ничего, а в действиях много. Понимаете ли, если в моей квартире цепляют жучки, следят за моими передвижениями, это уже говорит о чем-то более серьезном, чем какая-то паршивая газетенка за океаном. Это не журналист – это агент, и он имеет именно ту цель, о которой я вам сказал.

– Шпион? – переспросила Маринка.

Она подошла к столу и села рядом с Кислицыным, очень заинтересованно поглядывая на него.

– Да, если хотите, можно и так сказать, – вздохнул Кислицын, полуповернувшись к ней.

– Минуточку, – я решила завладеть нитью разговора и попробовать все поставить на свои места. – Минуточку, – повторила я, – вы говорите про жучки. Почему вы уверены, что они есть и их поставил тот самый журналист?

– Я все-таки инженер, – обиженно хмыкнул Кислицын, – жучок – это передатчик направленного действия. Если есть передатчик, значит, есть и приемник. Не посылает же он сигнал в космос. Но даже и в этом случае приемник все равно должен быть. Я определил приблизительный радиус действия этого жучка и незаметно обследовал окрестности вокруг своего дома. Одна машина вызвала мое подозрение, и я направил на нее электромагнитный импульс. Установочка несложная, левая даже, ее можно собрать из обычных радиотелефона и утюга. Как только я это сделал, из машины выскочил с наушником мой знакомый журналист: у него пропал сигнал, и он не знал, в чем причина этого. А теперь ответьте мне на вопрос: что же это за иностранный журналист, если он подслушивает разговоры с помощью такой спецтехники?

Я промолчала, но вопрос был, что называется, риторическим.

– А потом я обратил внимание на слежку за собой, – продолжил Кислицын. – Участвуют в этом примерно три-пять автомобилей. Три я точно знаю, уже записал их номера и модели, в

двух пока сомневаюсь, но и так уже все ясно. То, что за мною следят и даже два раза попытались не дать возможности с вами встретиться, – вы сами видели.

– Ну возможно, допустим, – кивнула я. – А что же вы хотите от нашей газеты? Ведь мы не спецорганы, даже не милиция. Я бы вас поняла, если бы вы пришли в журнал «Щит и меч», например, да и то... я не вижу, чем бы они смогли вам помочь. Идите в ФСБ или...

Кислицын покачал головой.

– Что такое?

– Не пойду, – угрюмо ответил он.

– Почему же?

– Как почему? – переспросил Кислицын, словно я спрашивала, почему дважды два четыре. – Боюсь, вот почему! Сами будто не понимаете! Они работают грубо, по-старому. Нет никаких гарантий в том, что после того, как я обращу их внимание на свою проблему, они не сделают своих выводов. Не хочется как-то отсидеть год в СИЗО, а потом попасть на скамью подсудимых и объяснять всем, что ты не верблюд. Телевизор смотрите, наверное? Вот так-то!

Я пожала плечами.

– Что же вы конкретно хотите?

– Вы же знаете этих иностранцев, они больше всего боятся, если их возьмут за руку и уличат в неджентльменском поведении. А уж тем более в таком деле... Я хочу вас попросить вот о чем. Завтра у меня встреча с этим шпионом около Верхнего рынка. Пришлите корреспондента с видеокамерой, пусть запишет нашу встречу. Этот корреспондент не сможет не заметить видеосъемки, а с прессой ничего не поделаешь, по крайней мере, таково их мнение. Я думаю, после этого они от меня отстанут.

Глава 3

Я задумчиво почесала кончик носа: разоблачить шпиона иностранной разведки, да еще не какой-нибудь украинской СБУ или румынской Сигуранцы, а как минимум ЦРУ – такого в истории журналистики я что-то не припомню. Поэтому отказываться от возможности сделать классный репортаж было бы просто неразумно.

– А вы позволите нам сделать серию статей об этом деле? – спросила я, переглядываясь с Маринкой.

Хоть и остались еще, естественно, подозрения насчет Кислицына, но ведь завтра можно будет реально убедиться – врет он или нет.

– Без проблем. Когда все закончится, – сразу же уточнил Кислицын.

– Давайте адрес вашего шпиона, – решительно сказала Маринка, – установим свою слежку за ним: как ходит по улицам, как задумчиво смотрит на наши заводы. Это будет классным вступлением к репортажу.

Кислицын покачал головой.

– После того как вы снимете наши с ним переговоры, вы сможете и сами все проследить и выяснить. Он живет у нас в городе, не скрываясь. Если же вы, не дай бог, обнаружите раньше времени, я не знаю, как он поступит. Может быть, убьет вас, а уж меня – точно. Он же профи, вы не забывайте, а вы и ваши ребята при всех ваших способностях... ну, в общем, сами понимаете.

Мы поговорили еще с полчаса, уточнили подробности, и я, как девушка слабая и доверчивая, дала себя уговорить. Когда Кислицын ушел, Маринка, проводив его долгим взглядом, спросила:

– Ты с ума сошла или как?

– Сама так же думаю, – призналась я. – Если все окажется правдой, то не знаю даже, как себя поведет ФСБ... если все это окажется правдой.

– Прикроют нас. Сразу и навсегда, – мрачно предрекла Маринка. – И будут правы. Но это в лучшем случае.

– А в худшем? – лениво поинтересовалась я.

– Будем перестукиваться через стенку и встречаться в столовой.

– Пошла к черту, – искренне пожелала я и отвернулась к монитору компьютера, – работать нужно, а ты глупости говоришь.

– Сама такая. А если все это чушь и твой Кислицын псих? Что тогда?

– Во-первых, он не мой, а во-вторых, если все это неправда, то что мы теряем? – я не Маринку уговаривала, а себя, дорогую, и у меня это получалось.

– Только теряем время, – согласилась Маринка. – И кстати! Мы еще на рынке купим кофе для редакции! Убиваем заодно двух зайцев, так сказать, одним выстрелом... из летающей тарелки.

– А ты собираешься идти? – Я сама еще не думала об этом, но мысль была хорошая.

– Конечно, я тебя одну не пущу! – Маринка сильно закачала головой. – Ты же все на свете перепутаешь!

А я вот как раз не хотела с собою брать Маринку именно по причине того, что все перепутает она, но промолчала. Жизнь уже научила меня, что с Маринкой лучше не спорить – себе дороже выходит, и мозги жалко. После Маринкиных выкриков они у меня остаются надолго загруженными, а чистку диска не произведешь. Билл Гейтс еще не придумал такой фенечки.

Я заказала Маринке кофе и пригласила весь личный состав к себе на совещание. Нужно было обсудить предстоящую операцию и разработать стратегический план – не каждый же день приходится брать иностранного шпиона с поличным.

– Ты думаешь, стоит такую информацию делать достоянием... – с сомнением произнесла Маринка, но я ее недослушала. Тоже мне, опасается, что это известие разойдется по коллективу! Я поспорила сама с собою на щелбан, что все, вплоть до Ромки, уже будут знать, о чем пойдет речь. Так оно и получилось.

Сергей Иванович пришел, испытующе поглядывая на меня, но молчал, садясь за кофейный столик. Виктор промолчал, потому что иначе жить не умел, а вот Ромка, тараща круглые от нетерпеливого ожидания глаза, вошел и, запинаясь, по секрету доложил мне:

– А входную дверь я на всякий случай запер... и «Русское Радио» включил погромче.

– А это еще зачем? – не поняла я.

– Ну как же, – Ромка оглянулся к Маринке за поддержкой, – ну чтоб, значит, не подслушали!

– Что-то ты там, Марина, про информацию-то говорила? – улыбнулась я, но обозлившаяся на замечание Маринка только буркнула:

– Сама же отказалась, – и принялась разливать кофе.

Вопрос с завтрашним уловлением импортного шпиона с поличным был решен после спокойных и подробных обсуждений. Порешили выехать на операцию всем составом редакции и взять с собою не только видеокамеру, но и фотоаппарат – «чтоб кадров было побольше», как понимающе сказал Ромка. Дело намечалось необычное, внешне даже почти опереточное, поэтому и подошли к нему весело, но подробно.

После окончания рабочего дня мы вышли вместе с Маринкой и направились к моей «Ладушке». Мир был водворен: я призналась, что немного неудачно пошутила, а Маринка расхвалила мой костюм, но она начала первой – какие могут быть счеты между подругами?

Я зажала под мышкой сумочку, второй рукой вцепилась в Маринку, чтобы не оступиться и не попасть в лужу.

Справа от входа в редакционное здание стоял молодой человек в короткой куртке и черной вязаной шапочке. Когда мы почти поравнялись с ним, он повернулся к нам лицом и с задумчивым видом осмотрел сперва меня, а потом Маринку. Мне показалось, что думал он совсем не о двух замечательных девушках, сейчас проходящих мимо него, а о чем-то своем.

Маринка, как всегда не желающая пропускать ничего внимания, пусть даже и равнодушного, подняла голову и заговорила нарочито громко и вызывающе:

– О-оль! А завтра мы все встречаемся прямо там?

Хоть это и обсуждалось уже не один раз и не два, я терпеливо ответила невпопад:

– Да-да, не без этого.

Поправляя под мышкой свою сумочку, я отпустила Маринку и нащупала в кармане ключ от машины.

– Что ты там ищешь? – спросила Маринка. – Документы взяла с собою?

– Да-да, – все так же терпеливо ответила я, понимая, что Маринке нужно отыграть свою роль для этого мальчика, который еще неизвестно кого или чего ждет, может быть, просто размышляет, можно ли сходить по-маленькому за углом нашего здания.

Но Маринке же этого не объяснишь – ей важно произвести впечатление, и неважно на кого и почти неважно как, лишь бы оказаться в центре внимания. Или как минимум на периферии того же самого внимания, что тоже неплохо, если подумать.

Молодой человек, как только мы с ним поравнялись, сделал шаг в нашу сторону и вдруг, резко дернувшись вперед, выхватил у меня мою сумочку, оттолкнул меня так, что я едва не села на землю, и бросился бежать прочь, прыгая по лужам.

– Ах, – только и успела крикнуть я, а Маринка так вообще только рот открыла и замерла, как городничий в финальной сцене «Ревизора».

Я беспомощно оглянулась назад. Появившийся из центрального выхода Ромка приоткрыл рот, чтобы спросить, что происходит, как мы с Маринкой обе крикнули ему:

– Сумку украл! – и показали руками на убежавшего со всех ног парня.

Ромка, не закрывая рта, рванул вслед за ним.

Разумеется, не догнал. Когда я уже садилась в машину, он примчался обратно весь красный, потный и, задыхаясь, начал рассказывать, как он быстро и хитро догонял этого вора, у того машина стояла за углом – уехал, да еще и грязью Ромку окатил.

Мы с Маринкой поморщились, поохали, почистили Ромке брюки и сказали ему спасибо. Старался все-таки мальчуган, не его вина, что у машины четыре колеса, а у него две ноги и раззява начальница.

– Вы уж больше одна не ходите, Ольга Юрьевна, – сказал он, и я честно пообещала, что, как только он вырастет, отдам его на курсы телохранителей.

– Мне бы лучше в хакеры, я бы там больше пользы принес, – шмыгнув носом продвинутый представитель нового поколения и, ссутулившись, полез ко мне в «Ладу».

Сергей Иванович с Виктором появились несколькими минутами позже – они задержались в фотолаборатории. Я уступила Виктору место водителя, и мы все поехали ко мне домой. Завтра намечалась сложная операция, и если все-таки Кислицын окажется прав, то мне не хотелось распылять силы. Единогласно было решено остаться на ночь у меня, чтобы еще разок все обсудить и утром выехать вместе.

Уже дома, готовя ужин на всю компанию, я вдруг подумала, что неплохо было бы обеспечить себе юридическое прикрытие на случай каких-нибудь неожиданностей. И решила вызвать Фимочку на срочную консультацию, отказавшись по телефону объяснять ему причину.

Фима примчался как раз к ужину. Рассчитывая и на него, я оставила ему порцию картошки по-французски – великолепная вещь, если не ошибиться с сыром!

Фима вооружился вилкой и ножом, словно только что слетел с великосветского раута у германского консула, и, страшно сморщившись, начал мне выговаривать и нудеть, что и он человек современный, и супруга его дама достаточно продвинутая, но...

– ...Но на ночь глядя, Оленька, вызывая меня на консультацию, можно же было все это проговорить по телефону ну хотя бы вашему замечательному Сергею Ивановичу, а? Голос мужской, солидный, и даже через трубку ясно, что он джентльмен положительный и непьющий. Зачем давать возможность людям плохо обо мне думать?

– Будто твоя жена и впрямь ничего не подумала бы криминального! Это ты плохо о ней думаешь, Фима! – возразила я.

– Я о ней думаю не плохо, а правильно, мечта моя. Все дело во времени! Во времени! Там добавочки не найдется для голодной юриспруденции?

– Увы, – вздохнула я, – ты слишком долго ехал. Кофе будешь?

– Два раза! – жизнерадостно согласился Фима.

Маринка подала Фиме кофе в большом бокале, а я спросила, о каком времени он говорит.

– Да очень же все просто! – Фима счастливо улыбнулся и обвел взглядом аудиторию, убеждаясь, что его все слушают. Без этого убеждения он много терял в своем красноречии.

– Все элементарно, Оленька. Время – важнейший фактор! Если бы мне позвонил господин Кряжмский, – Фима достойно кивнул Сергею Ивановичу, – супруга моя сначала бы подумала, что вызов происходит на самом деле по делу, пардон за тавтологию, и протерпела с полчаса бы или даже с часик. Потом она стала бы думать, что же это за дело такое может быть на ночь глядя? На это ушло бы еще как минимум полчаса. Потом она начала бы возмущаться и нервничать, постоянно отвлекаясь при этом на ребенка. Мой сын без папы постоянно начинает качать права, и с ним договориться сложно. Все это заняло бы минимум час! Итого: имеем два часа форы. Два часа! – Фима победно помешивал ложечкой в бокале, продолжая:

– Только через два часа она допустила бы мысль, что позвонивший мужчина, возможно, послужил ширмой для скрывающейся у него за спиной женщины! Она стала бы нервничать на эту тему, все-таки будучи неуверенной в том, что была женщина! Эта не уверенность дала

бы мне еще один час, а потом бы и я появился как ни в чем не бывало. И она наехала бы на меня, пытаясь взять на испуг, ожидая, что я расколюсь, но я, – тут Фима выпятил грудь и задрал подбородок, – но я бы стоял на своем, как стойкий оловянный солдатик, и все пошло бы своим чередом: чай, ванна, телик, спать. А что мы имеем сейчас? А сейчас мы имеем, что она уже сразу знает, что мне позвонила женщина, она в этом уверена и с полной определенностью нервничает на эту тему! Получается, что твой опрометчивый звонок украл у моей жены три часа неопределенности и сразу же дал неприятную определенность, вот! А это же мои нервы, мои испытания и мой сухой паек, потому что моя супруга – дама впечатлительная!

Маринка покачала головой и в тихом ужасе пробормотала:

– Ой, блин!

– Ой, блин! – повторила я за ней. – Что-то слишком сложно, адвокат, – сказала я, – ты не на трибуне. Бери лучше чашку в обе руки, не смей ею жестикулировать и слушай сюда.

– Сложно, несложно... в жизни на самом деле все просто, но мы сами все усложняем, – продолжил свой разгон Фима. – Ну почему бы тебе не передать трубку Кряжимскому или этому симпатичному юноше?..

– Ну хватит! – крикнула я. – У меня и без этих доводов голова кругом идет. Тебя пригласили для важного дела. Завтра мы будем с поличным брать агента ЦРУ, работающего у нас в городе под прикрытием газеты «Вашингтон таймс»! Понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.